

что военнопленные японцы оставались в Сибири больше установленных двусторонними соглашениями сроков, нет. Но уже через год после эвакуации на родину японцы стали активно возвращаться в Сибирь. Летом 1907 г. был подписан «Договор о торговле и мореплавании между Россией и Японией», возобновивший действие договора 1895 г. Японцам в России были предоставлены права подданных «наиболее благоприятствуемой нации». Но осенью 1907 г. военный губернатор Забайкальской области докладывал Иркутскому генерал-губернатору: «В течение этого лета в разное время группы китайцев и японцев производили разведку и съемку местности...»³². И уже в 1908 г. в сибирских газетах обычными стали объявления об услугах японских прачечных³³. Японская миграция вернулась в Сибирь и вступила в новый этап развития.

История пребывания в Сибири в 1904–1905 гг. депортированных и военнопленных японцев не оставила заметного следа в российско-японских отношениях потому, что не имела трагических последствий и не использовалась в политических спекуляциях. В документах не зафиксировано ни одного случая насилия и даже неприязненных отношений к японцам в Сибири как со стороны государственных служащих, так и местного населения. Это является лишним подтверждением того, что русско-японская война не была столкновением двух наций или культур, а явилась порождением глобализации международных отношений и безответственностью политических элит. Исторический опыт пребывания японцев в сибирском плену и ссылке в начале XX в., как пример русско-японского взаимодействия в сложных условиях, не потерял своей актуальности и ценности и в начале XXI в.

Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: за кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию

Э. А. Барышев

Русско-японские отношения в период первой мировой войны – одна из интереснейших тем в истории двусторонних связей, таящая немало невыясненных до сих пор вопросов. Они касаются прежде всего определения движущих сил сближения стран и конкретных факторов, способствовавших заключению 3 июля 1916 г. русско-японского секретного военно-политического союза. С российской стороны это сближение можно назвать «вынужденным», поскольку в условиях первой мировой войны Россия, отрезанная от Европы, не только задумывалась о том, как обеспечить безопасность своих дальневосточных владений, но оказалась зависимой от японских поставок оружия. В связи с этим Россия в процессе двустороннего сближения сыграла роль лишь пассивного участника, а инициатива в деле укрепления русско-японских отношений исходила от Японии. В прошлом отечественные исследователи, в первую очередь из-за недоступности японских источников, обращали внимание, главным образом, на позицию российской стороны. Роль главного участника этого процесса – Японии – оставалась неясной, что не позволяло выявить главные особенности русско-японского сближения в период первой мировой войны.

В связи с этим представляется чрезвычайно важным детально изложить позицию японской стороны, что позволит выявить скрытые пружины русско-японского сближения и лучше разобраться в самом механизме внутренней политики Японии. Автор постарается взглянуть на проблему русско-японского сближения через призму деятельности генерала-фельдмаршала Ямагата Аритомо (1838–1922), на протяжении нескольких десятилетий оказывавшего значительное, а в 1910-е годы даже определяющее, влияние на состояние японской внутренней и внешней политики¹.

¹ В своей статье «Русско-японская конвенция 1916 г. и ее международно-политический смысл» (Япония 2006. Ежегодник. М., 2006, с. 243–256) автор бегло коснулся взглядов князя Ямагата на проблему русско-японских отношений, однако его деятельность, направленная на реализацию русско-японского союза осталась вне рамок исследования. В японской историографии тема Ямагата Аритомо и русско-японский союз 1916 г. наиболее серьезно рассматривается в следующей работе: Мацумото Тадао. Кинсэй нихон гайко-си кэнкю (Исследования по истории японской дипломатии нового времени). Токио, 1942, с. 169–186. В англоязычной историографии эта проблема затрагивается в следующих исследованиях: Berton Peter A. The

³² Государственный архив Красноярского края. Ф.595, оп.3, д.1063, л.1.

³³ Красноярск. 01.07.1908.

Князь Ямагата и его проект русско-японского союза

Будучи одним из членов «неконституционного правительства» – Совета старейшин (гэнро), князь Ямагата уже с конца 1914 г., используя свое влияние, пытался запустить процесс русско-японского сближения. Удобной «приманкой» к такому сближению служил вопрос японских поставок оружия в Россию. Ямагата не уставал повторять, что для преодоления сопротивления военного ведомства в этом вопросе, желательно непосредственное обращение российского царя к японскому императору. 4 (17) ноября 1914 г. посол России в Токио Н. А. Малевский-Малевич посетил фельдмаршала, который заявил, что поставка оружия возможна лишь с разрешения императора Тайсё. Заместитель военного министра Осима Кэнъити (1858–1947) и другие высокопоставленные чиновники военного ведомства также неоднократно намекали особому посланнику для ведения переговоров о закупке вооружения генерал-майору Э. К. Гермониусу о желательности обращения русского царя к японскому императору. Однако российская сторона предпочла не беспокоить высочайших особ до поры до времени, не надеясь на благоприятный исход дела и потому опасавшаяся, что это может привести к «потере лица» и падению авторитета России. 8 (21) февраля 1915 г. посол Малевский-Малевич в телеграмме министру иностранных дел С. Д. Сазонову писал по этому поводу следующее: «Японскому императору было бы, несомненно, в высшей степени лестно быть осчастливленным личной телеграммой государя императора, но ручаться за полный успех столь чрезвычайного шага не берусь, не будучи точно уверен в степени того влияния, коим молодой повелитель Японии пользуется у своих министров. До сих пор его величество Иосихито не проявлял, насколько мне известно, своей личной инициативы ни в каких государственных делах»².

С начала 1915 г., когда российская армия стала испытывать острый недостаток оружия и боеприпасов, по мнению Ямагата, наступило самое благоприятное время для заключения военно-политического союза. В этих условиях генерал-фельдмаршал подготовил проект русско-японского союзного договора, получившего одобрение со стороны всех *гэнро* – Мацуката Масаёси (1835–1924), Ояма Ивао (1842–1916) и Иноуэ Каору (1835–1915). 21 февраля 1915 г. этот документ был представлен в качестве

рекомендательной записки премьер-министру Окума Сигэнобу (1838–1922). Ее содержание помогает понять логику мышления Ямагата и его основные аргументы в пользу укрепления двусторонних политических отношений. Некоторые исследователи называют подход Ямагата «теорией расовой войны» («дзинсю сэнсо-рон»), однако такое название достаточно условно, потому что не в полной мере отражает особенности его внешнеполитической концепции.

Во-первых, – это скептицизм фельдмаршала по отношению к возможности победы в «Европейской войне» стран Антанты. После полугода военных действий Ямагата полагал, что ни одной из сторон не удастся добиться абсолютного превосходства, и война, скорее всего, закончится ничем. Во-вторых, он считал, что нарушение баланса сил в мире приведет в послевоенный период к усилению международно-политического противостояния, объектом которого станет Восточная Азия и, прежде всего, Китай. В-третьих, одним из главных фаворитов на господство в указанном регионе рассматривались Северо-Американские Соединенные Штаты. В-четвертых, в случае японо-американской борьбы за Китай США могут рассчитывать на поддержку со стороны своих «белых братьев». Ямагата не без основания полагал, что на первый план могут выйти расовые различия. В-пятых, отмечалось, что создание мощной коалиции народов желтой расы под знаменем Японии на данный момент невозможно.

На основании изложенного выше фельдмаршал делал вывод о том, что единственно возможной в нынешних условиях стратегией для Японии является укрепление доверительных отношений с Китаем и создание союзных отношений с одной из европейских держав с тем, чтобы предотвратить образование антияпонской «белой коалиции». Ямагата считал, что союзный договор с Великобританией, заключенный в 1902 г. именно с этой целью, уже не может играть эту роль вследствие изменения баланса сил в мире. «Пытаться поддерживать мир в Восточной Азии с прицелом на далекое будущее, опираясь исключительно на японо-английский союз, по-видимому, недостаточно разумно. Не является ли в таком случае насущной необходимостью заключить в дополнение к японо-английскому японо-русский союз с тем, чтобы принять все возможные меры для достижения нашей цели?!».

Предполагалось, что во время войны Великобритания не сможет противодействовать заключению такого союза. Впрочем, Ямагата не собирался цепляться за формальный «военно-политический союз». Это могло быть и соглашение в виде расширенной Антанты, в котором были бы прописаны следующие пункты: 1) оказание военной помощи в случае конфликта одной из договаривающихся сторон с третьей державой; 2) сохранение территориальной целостности Китая; 3) совещание

Secret Russo-Japanese Alliance of 1916, p.119–120, 140–144; *Hackett Roger F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922* (Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1971), p.291–300.

² № 464. Посол в Токио министру иностранных дел, 4 ноября / 22 октября 1914 г. – МОЭИ. Серия III, 1935. Т. 6. 5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г., ч. 2, с. 24; № 160. Посол в Токио министру иностранных дел, 8 февраля / 26 января 1915 г. – МОЭИ, серия III, 1935, т. 7, 14 января 1915 г. – 23 мая 1915 г., ч. 1, с. 208–210.

по всем важным вопросам китайской политики и уважение особых прав другой договаривающейся стороны³.

Таким образом, уже в феврале 1915 г. Ямагата, заручившись поддержкой других старейшин, попытался надавить на правительство Окума с тем, чтобы ускорить заключение русско-японского союза. Однако первоначально эта попытка успеха не имела. И сам премьер-министр Окума, и, особенно, приверженец британской ориентации министр иностранных дел Като Такааки (1860–1926) всеми силами пытались «задвинуть» слишком самостоятельный на их взгляд проект старейшин и откровенно саботировали его выполнение, прикрываясь неотложными делами.

Ямагата надеялся приступить к русско-японским переговорам после разрешения китайского вопроса, считая, что для перемены внешнеполитического курса, проводимого Като, достаточно лишь внешнего влияния: выступления японской прессы и соответствующего пожелания со стороны России. Однако летом 1915 г. стало очевидно, что «англофил» Като, опасаящийся «разбавления» англо-японского союза, не намерен вести переговоры о русско-японском сближении, и поэтому Ямагата решил сместить его. На место «упрямого» Като был поставлен более «податливый и мягкотелый» «франкофил» барон Исии Кикудзиро (1866–1945), от которого ожидали проведения более сбалансированной политики⁴.

Таким образом, к осени 1915 г. появились необходимые предпосылки для начала русско-японских дипломатических переговоров. Оставалось только одно: заинтересовать и «заманить» в Японию влиятельного представителя российских политических кругов. Эту миссию в конце 1915 г. прекрасно выполнил находившийся в Ставке верховного главнокомандующего генерал-майор Накадзима⁵.

³ Ямагата Аритомо. Нитиро домэй-рон (Теория русско-японского союза). – Ямагата Аритомо икэнсё (Памятные записки Ямагата Аритомо). Токио, 1966, с.345–348.

⁴ См.: Мацумото Тадао. Кинсэй нихон гайкоси кэнкю (Исследования по истории японской дипломатии нового времени). Токио, 1942, с. 172–180.

⁵ Накадзима Масатакэ (1870–1931). Уроженец пров. Тоса (ныне преф. Коти). В 1890 г. окончил Кадетский корпус (Рикугун сикан гакко) с присвоением звания младшего лейтенанта. В 1899 г. после окончания Военной академии (Рикугун дайгакко) был назначен в Генштаб. Сделал блестящую военную карьеру, дослужившись в 1919 г. до звания генерал-лейтенанта. Служил в штабе Токийского военного гарнизона, командиром 18-го пехотного полка. После службы в качестве военного агента в России (1910–1912 гг.) занимал посты начальника Главного управления Генштаба, командира 2-й и Гвардейской дивизий. Во время первой мировой войны находился в качестве японского военного представителя в русской армии. После ухода в запас был назначен инспектором дворцовых дел семейства Кая-но мия. Был известен в качестве одного из крупнейших военных специалистов по России. – Нихон дзиммэй дайджитэн (Большой японский биографический словарь). Токио, 1979, т. 4, с.550.

11 декабря, беседуя во время обеда с лейб-хирургом Федоровым⁶, японский военный агент Накадзима как бы невзначай заметил: «Если бы государь послал в Японию великого князя, то, несомненно, это произвело бы прекрасное впечатление, и Япония активизировала бы свои усилия помочь России в ее борьбе с Германией». Об этом предложении японской стороны тотчас же было сообщено Николаю Второму, который, в свою очередь, признал уместность и оправданность такой инициативы и решил командировать в Японию для выполнения этой важной миссии великого князя Георгия Михайловича (1863–1919)⁷.

Внешняя цель миссии состояла в передаче японскому императору поздравлений по случаю коронации и выражения благодарности за помощь, которую японское правительство уже успело оказать России с начала Великой европейской войны. 12 декабря директор дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Кудашев отправил на имя министра иностранных дел телеграмму, в которой сообщалось об этом решении государя⁸.

Любопытно, однако, что генерал-майор Накадзима в своей телеграмме на имя начальника Генштаба Хасэгава Ёсимити (1850–1924) от 13 декабря объяснял причину отправки великого князя в Японию совершенно иным образом: «По доброй воле российского императора (здесь и далее курсив автора) великий князь Георгий Михайлович отправляется в скором времени в Японию. Его цель состоит в принесении поздравлений по случаю благополучного завершения церемонии коронации и выражения благодарности за ту великую помощь, которую российская сторона получила от Японии с начала войны. Военно-политические вопросы, такие, как отправка японских войск (на европейский фронт. – Э. Б.) или заключение военно-политического союза, не стоят на повестке дня. Великий князь, генерал-полковник и генерал-адъютант, постоянно находится в Ставке, являясь приближенным советником его Величества... Главное состоит в том, что *мысль об отправке*

⁶ Профессор Военно-медицинского института, один из основателей российской урологии (1869–1936). С 1915 г. находился в Ставке. После революции продолжил медицинские исследования. В 1928 г. получил звание заслуженного деятеля науки.

⁷ Третий сына великого князя Михаила Николаевича, приходившийся племянником Александру Второму и двоюродным дядей последнему русскому императору. Пользовался большим уважением Николая Второго. С началом войны был назначен Особоуполномоченным императора при Ставке верховного главнокомандующего. Был страстным нумизматом, исследователем старины. На протяжении долгого времени являлся управляющим Русским музеем в Петербурге (ныне Российский Государственный музей).

⁸ № 528. Директор дипломатической канцелярии при ставке министра иностранных дел, 14 / 1 декабря 1915 г. – МОЗИ. Серия III, 1937, т. 9, 17 октября 1915 г. – 13 января 1916 г., с. 540–542; Дневник министерства иностранных дел за 1915 – 1916 гг. Подг. А. А. Попов. – Красный Архив, 1928, т. 6 (XXXI), с.46, ссылка № 1. В дневниковых записях Николая Второго за 29 ноября 1915 г. говорится: «Решил отправить Георгия в Японию» (Дневники императора Николая II. Под ред. К. Ф. Шацилло. М., 1991, 560).

великого князя исходит от государя императора, чему удивлены все нижестоящие чины: похоже, что даже российский министр иностранных дел еще ни о чем не осведомлен»⁹.

При этом Накадзима ничего не сообщает о своей роли в подготовке этого визита. Неизвестно, было ли согласовано это предложение с князем Ямагата, но в итоге все сложилось именно так, как было нужно последнему. Визит великого князя Георгия Михайловича был представлен исключительно как воля и пожелание русского царя. Так понимали смысл этого визита и посол Мотоно Итиро (1862–1918), и министр иностранных дел Исии, и начальник Генштаба Хасэгава. Можно предположить, что японский военный представитель не хотел брать на себя ответственность за визит великого князя потому, что имел на этот счет указание от самого Ямагата.

Как только стало известно о готовящемся визите члена русского императорского дома в Японию, князь Ямагата, рассматривавший этот визит наилучшей возможностью для заключения русско-японского союза, предпринял необходимые политические меры. В его воспоминаниях говорится: «К счастью, стало известно о том, что российский великий князь собирается посетить Японию. Я, решив, что ни в коем случае нельзя упускать этот шанс, сказал об этом Тэраути и другим, стараясь внушить им, что настало время укрепить русско-японскую дружбу, и сделал все, чтобы прием был оказан на самом высоком уровне»¹⁰. После совещания с премьер-министром Окума и другими членами Совета старейшин в качестве главы японской свиты великого князя был назначен корейский генерал-губернатор и председатель Русско-японского общества Тэраути¹¹. Президент Русско-японского общества наследный принц Канъин Котохито (1865–1945) также был избран в почетные члены свиты. Великого князя Георгия Михайловича встречали в Японии как высокого гостя японского императорского дома.

Особый поезд с миссией великого князя отправился на Восток с Московского вокзала столицы 15 (28) декабря 1915 г. Августейшую особу сопровождали 16 человек, в основном военных, в том числе

генерал-майор Накадзима. С российской стороны в состав свиты великого князя был включен начальник дальневосточного отдела министерства иностранных дел камергер Г. А. Козаков, которому было поручено вести дипломатические переговоры об укреплении русско-японских отношений и тем самым способствовать разрешению вопроса о военных поставках.

Необходимо отметить, что великий князь Георгий Михайлович, выполнял официальную миссию российского императора. В истории русско-японских отношений такое было впервые. Великие князья неоднократно бывали в Стране восходящего солнца, однако все эти визиты имели частный характер. Обычно это было посещение Японии августейшим представителем во время его кругосветного путешествия. На этот раз визит великого князя Георгия Михайловича в январе 1916 г. был изначально запланирован и выполнялся по поручению русского царя. В этом заключался особый смысл августейшего визита.

Хотя миссия великого князя сопровождалась, на первый взгляд, выполнением простых дипломатических формальностей, она сыграла немалую роль в русско-японском сближении. Дело в том, что именно визит великого князя запустил политический механизм, который должен был привести к изменению внешнеполитического курса Японии по отношению к России. И здесь главную роль должен был сыграть все тот же Ямагата.

Действия «серого кардинала» Ямагата во время предварительных русско-японских переговоров

12 января 1916 г. на Токийском вокзале состоялась торжественная встреча великого князя Георгия Михайловича. Среди встречающих был сам император Тайсё, что было знаком особого внимания к царскому посланнику. Пока великий князь Георгий Михайлович принимал реверансы со стороны японских политиков, посещая праздничные вечера и банкеты, Ямагата занимался подготовкой условий для начала русско-японских дипломатических переговоров, «обрабатывая» главу японского внешнеполитического ведомства.

Днем 12 января, после встречи великого князя, министр иностранных дел Исии посетил генерал-фельдмаршала Ямагата, чтобы обсудить позиции японской стороны на переговорах с начальником дальневосточного отдела Козаковым. Хотя визит великого князя формально осуществлялся для того, чтобы поздравить японского императора от лица российского императорского дома, министр заявил, что, судя по докладам Тэраути и Адати¹², сопровождающих великого князя в пути,

¹² Адати Минэтиро (1869–1934). Известный японский дипломат. Окончил Токийский императорский университет (1892). На протяжении долгого времени служил в Италии и

⁹ 13 декабря 1915 г. Генерал-майор Накадзима начальнику Генштаба (строго секретно). «Рококу-кодзюку райтё ни кансэру иккэн» («О визите члена русского императорского дома»). – Дайникии но хэн: Тайсё 05 нэн (Большое собрание дневниковых записей: 5-й год Тайсё), с. 1686–1687.

¹⁰ Такахаши Ёсио. Санко ирэцу (Посмертные записки князя Ямагата). Токио, 1925, с. 118. См. также: Тоё айэн но хэйва какухо (Обеспечение вечного мира на Востоке). – Нитиро дзи-цугё симпо, 15.07.1916, с.42.

¹¹ Тэраути Масатакэ (1852–1919) – известный военный и политик, представитель клана Тёсю. Тесные отношения с князем Ямагата и маркизом Иноуэ позволили ему сделать блестящую карьеру. С 1902 по 1911 г. занимал должность военного министра в правительствах Кацура и Сайондзи. В 1910 г. был назначен первым генерал-губернатором Кореи. В октябре 1916 г. возглавил «надпартийный кабинет министров».

главная миссия высокого посланника, несомненно, касалась вопроса о японских поставках оружия, недостаток в котором Россия продолжает испытывать, и потребовал мнения «старейшины». В ответ на это *гэнро* прямо заявил, что, на его взгляд, *«нынешний момент является исключительно благоприятным, поэтому следует использовать его для заключения русско-японского союза, или русско-японской антанты»*. Затем он рассказал о содержании и деталях своей беседы с премьер-министром Окума и бывшим министром иностранных дел Като, состоявшейся 10 июля 1915 г., добавив, что «настало время четко определить правительственный курс» по отношению к вопросу о русско-японском сближении. Как вспоминал Ямагата, после короткого обсуждения китайского вопроса, в конце беседы, он еще раз коснулся необходимости заключения русско-японского союза. Исии не возражал¹³.

15 января появились первые результаты визита великого князя. Уже утром в резиденции премьер-министра состоялось внеочередное совещание министров, посвященное проблеме российского военного заказа. За созывом совещания скрывались воля и усилия Ямагата, обещавшего свое содействие российской стороне. За день до этого генерал-фельдмаршал посетил резиденцию премьер-министра Окума, в результате чего было решено созвать это внеочередное совещание и «принять до известной степени пожелания российской стороны»¹⁴.

18 января Исии вновь посетил князя Ямагата и изложил основное содержание его беседы с Козаковым, состоявшейся четырьмя днями раньше, во время которой российский дипломат предложил заключить русско-японский союз, целью которого было оградить Китай от германского влияния. Россия надеялась в таком случае получить дополнительные поставки оружия, предлагая в качестве жеста благодарности уступить Японии участок КВЖД к северу от Чаньчуня до р. Сунгари¹⁵.

Франции. Входил в состав японской делегации на мирных переговорах в Портсмуте. Один из немногих японских дипломатов имел степень доктора юридических наук (1907 г.). В 1913 г. был назначен посланником в Мексике, но с началом первой мировой войны вернулся в Японию. В 1919 г. был назначен заместителем японского представителя на Парижской мирной конференции. Служил послом в Бельгии (1921 г.) и Франции (1927 г.), выполнял функции председателя Международного суда (1931 г.).

¹³ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки: Сэйхэн омондэ-гуса (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё: Политические воспоминания). Токио, 1981, с. 77–78.

¹⁴ Рококу но гундзюхин дайтюмон: Гундзюхин кёги (Крупный российский военный заказ: Совещание по вопросу о поставках боеприпасов). – Иомиури симбун, 16.01.1916, № 13916, с.2.

¹⁵ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 82. Подробности беседы Исии с Козаковым см. в: Дайёнкай нитиро кёяку тэйкэцу иккэн (О заключении Четвертой русско-японской конвенции). – Нихон гайко бунсё. Тайсё гонэн дайиссацу (Японские дипломатические документы: 1916 г., т. 1), с. 111–113, № 245. Записка советника IV политического отдела Козакова, 23/10 февраля 1916 г. – МОЭИ. Серия III, 1938, т. 10, 14 января 1916 г. – 13 апреля 1916 г., с. 260–261.

Выслушав доклад Исии, *гэнро* заявил, что Япония должна поскорее принять проект русско-японского союза, предлагаемый уже не в первый раз российской стороной. По мнению Ямагата, ответ Сазонову в отношении вопроса о русско-японском союзе должен был быть следующим: «Хотя отправка японских императорских войск в Европу и невозможна, Япония готова взять на себя обеспечение мира на пространстве к востоку от Уральских гор: в случае возникновения беспорядков в Сибири Япония готова немедленно оказать свою помощь России. Посему в договоре может быть помещена статья о том, что в отношении указанного выше региона заключается *наступательно-оборонительный военный союз*. Затем можно было бы добавить статью о сохранении целостности Китая. Япония также не возражает, если, по мере необходимости, в новое соглашение будут включены некоторые другие статьи. Естественно, если возникнут какие-либо пересечения с положениями англо-японского союза, необходимо получить мнение Великобритании на этот счет. На этой основе можно начать непосредственные переговоры. Что касается поставок винтовок и других боеприпасов, следует сказать о том, что, несмотря на различные обстоятельства, до сих пор Япония прилагала все свои усилия для того, чтобы удовлетворить пожелания России. Что касается будущего, ответ должен быть дан после обстоятельного обсуждения этого вопроса с представителями соответствующих ведомств»¹⁶.

Как видно из сказанного выше, Ямагата рассматривал вопрос о Китайской Восточной железной дороге как второстепенную проблему. Главной целью было укрепление военно-политических отношений с «северным соседом». Более того, изучение исторических документов показывает, что внешнеполитический подход Ямагата принципиально отличался от того, что в литературе по международным отношениям называют «теорией баланса сил», или «политикой силы». Ямагата прекрасно осознавал тот факт, что внешнеполитическая стратегия должна принимать во внимание и более широкие цивилизационные аспекты и особенности партнеров. Он писал: «Изначально в области оказания помощи России Япония опиралась на чувства доверия и дружбы. Именно поэтому – хотя наш посол, а также представители Генштаба постоянно сообщают нам о том, что российская сторона выражает намерение предоставить нам в ответ некоторые выгоды, – Япония никогда не поднимала вопрос о предоставлении ей особых прав. Мы должны от начала до конца продемонстрировать свою добрую волю, при каждом удобном случае показывая, что наша позиция основана на чувстве общественного долга по отношению к дружественной стомиллионной державе, а не на духе корыстолюбия, распространенном на Западе под видом “взаимовыгодного обмена интересами”. Посему

¹⁶ Тайсё сёки ямагата аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 85.

и сегодня мы не должны отвечать на предложение России, ставя по главу угла вопрос компенсаций. Хотя в послании Сазонова и говорится о возможности передачи в качестве компенсации за нашу помощь железной дороги к югу от Харбина, Япония не должна при этом отказываться от последовательного проведения в жизнь принципа доверия и дружбы. Что касается вопроса о железной дороге, достаточно всего лишь показать, что японская сторона в полной мере оценивает этот жест доброй воли и с большим удовольствием принимает предлагаемое ей Россией». Министр Исии согласился с этой позицией князя Ямагата¹⁷.

Однако на состоявшемся 20 января совещании с участием «старейшин» Ямагата, Ояма и Мацуката, премьер-министра Окума и министра иностранных дел Исии обсуждался подготовленный МИДом проект ответа Японии на предложения российской стороны, содержание которого принципиально отличалось от того, что пытался провести в жизнь генерал-фельдмаршал. В данном проекте не только вопрос русско-японского сближения, но и вопрос военных поставок напрямую увязывались с возможностью расширения японской сферы влияния в Маньчжурии. «В случае если славящаяся своим плодородием область, простирающаяся от Чаньчуня до Харбина, фактически войдет в зону нашего влияния, а железная дорога между этими двумя пунктами станет под наш контроль, все богатства Гиринской равнины станут нашими. В результате этого произойдет заметное расширение сферы деятельности нашей Южно-Маньчжурской железной дороги, что принесет Японии огромные военно-стратегические и торгово-коммерческие выгоды... Япония должна прямо и ясно заявить России о том, что она желает поставить под свой контроль железную дорогу между Чаньчуном и Харбином, являвшуюся прямым продолжением нашей железнодорожной ветки Аньдун-Мукден и ЮМЖД. Когда Россия, признав наше дружеское расположение, выразит готовность принять наше пожелание, японская сторона также может дать понять, что не пожалеет своих усилий для того, чтобы насколько возможно обеспечить Россию поставками оружия, о коих она просит. Таким образом, наши страны могут прийти к взаимному удовлетворению своих нужд»¹⁸.

Как видно из сказанного выше, проект ответа предполагал достаточно жесткую позицию в отношении военных поставок. Это и стало камнем преткновения для быстрого принятия резолюции. Гэнро Ояма и Мацуката согласились с положениями этого проекта резолюции, од-

нако Ямагата, как и ожидалось, внес на рассмотрение совершенно отличный проект резолюции: «Японская империя, с начала войны укрепившая искренние дружественные отношения с союзными державами, в полной мере осознает свою огромную ответственность в борьбе с врагом. Исходя из этого принципа, Япония употребляет все свои возможности для оказания посильной помощи России.

1. Япония во время войны настроена защищать свои интересы на Дальнем Востоке, и в случае необходимости готова без колебания применить для их защиты свои военные силы. В силу этого, российские охранные войска, размещенные на Дальнем Востоке, могут быть отправлены на европейский фронт.

2. Япония в качестве опоры порядка на Дальнем Востоке приложит все свои силы для снабжения России оружием и другими военными материалами в пределах, не наносящих ущерб охране российских и японских интересов.

В настоящий момент Япония не имеет возможности немедленно осуществить новые крупные поставки оружия, но должна постараться хотя бы в небольшой степени увеличить их, расширяя, как и прежде, производственные мощности казенных заводов и прилагая силы к перестройке частной промышленности»¹⁹.

После обеда по предложению того же Ямагата к дискуссии присоединился военный министр Ока Итиносукэ (1860–1916). Именитый генерал-фельдмаршал последовательно отстаивал свою позицию о необходимости увеличить объемы военных поставок России, однако глава военного ведомства выказал отрицательное отношение к этой идее, заявив о том, что «Япония уже достигла предела своих возможностей, и поэтому не в состоянии удовлетворить пожелания России». Князь Ямагата предложил министру немного «поостыть», еще раз обсудить вопрос со своими подчиненными и дать более взвешенный ответ, однако и после совещания в кругу представителей военного ведомства мнение Ока не изменилось. Обсуждение зашло в тупик, и собравшиеся были вынуждены разойтись, так и не решив проблему поставок. Ямагата, не удовлетворенный таким ходом дела, заявил, что он ждет окончательного ответа представителей военного министерства на следующий день: «Конечно, если мы и на самом деле не можем дать дополнительно ни одной винтовки, так и скажете»²⁰.

¹⁹ Там же, с. 118.

²⁰ О подробностях совещания в императорском дворце 20 января 1916 г. см. в: Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с.86–89; Нитиро домэй тэйги: Гэнро сюсё кайго найё, Нитиро домэй киси нару (Предложение о русско-японском союзе. Содержание совещания гэнро с премьер-министром. Закладывается фундамент русско-японского союза). – Иомиури симбун. 22.01.1916, № 13922.

¹⁷ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 85–86.

¹⁸ Дайёнкай нитиро кёяку тэйкёцу иккэн (О заключении Четвертой русско-японской конвенции). – Нихон гайко бунсё: Тайсё гонэн дайиссацу (Японские дипломатические документы). 1916, т. 1. с. 117.

Вечером того же дня, 20 января, Ямагата получил краткое изложение беседы Исии с Козаковым, состоявшейся 14 января. Его крайне впечатлило содержание предложений российской стороны, и он немедленно отправил главе дипломатического ведомства письмо, в котором настойчиво рекомендовал не упускать представившуюся возможность. «Вчера мы впустили потратили почти целый день на обсуждение вопроса о поставках оружия, однако главный смысл ответа российской стороне, как мы уже говорили ранее, должен основываться на положениях о двустороннем наступательно-оборонительном военном союзе и на принципе сохранения целостности Китая. После предварительного обсуждения с Англией и детального согласования проекта можно давать послу в России указание о начале официальных переговоров. Что касается самого проекта, он может быть составлен примерно в следующем смысле, устраивающем обе стороны:

Япония и Россия решили совместными усилиями поддерживать мир и безопасность в Восточной Азии. В случае, если какая-либо держава будет угрожать такому положению, обе страны приложат все усилия для того, чтобы достигнуть указанной выше общей цели, оказывая друг другу необходимую поддержку.

Если в дипломатический документ, составленный на основании данного принципа, не будет внесена подобная статья, политический курс, направленный на укрепление в будущем двусторонней дружбы, потеряет свое внутреннее содержание, а добрая воля императорского правительства будет поставлена под сомнение, что было бы крайне прискорбным. Кроме того, мне, как человеку пожилому и бывалому, ясно, что, если, несмотря на проявление Россией доброй воли, курс на двустороннее сотрудничество не будет в будущем реализован, поддержание мира на Дальнем Востоке станет затруднительным, о чем я уже говорил во время совещания. Я убежден, что и в этом смысле правильной политической линией была бы четкая демонстрация курса на выполнение данного принципа и проявление должного внимания к обеспечению будущего двух стран. В силу изложенного выше прошу внести в конкретный проект упомянутую статью»²¹.

«Заключительный аккорд»: принятие министерской резолюции о начале официальных русско-японских переговоров

Таким образом, Ямагата пытался всеми силами убедить дипломатов в необходимости укрепления отношений с «северным соседом», проводя в жизнь идею о русско-японском военно-политическом союзе. Однако и именитый князь, глава клана Тёсю, не был всемогущим. Вечером

²¹ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 89–90.

20 января во время беседы с Козаковым Исии фактически отверг предложения российской стороны, проигнорировав при этом все рекомендации Ямагата²².

Содержание этой беседы тотчас же стало известно князю от генерал-губернатора Тэраути и привело его в крайнее возмущение. Ямагата вспоминает: «Самым крупным провалом при этом (во время приезда в Японию великого князя Георгия Михайловича. — Э. Б.) было то, что, когда из уст члена свиты великого князя нашему правительству было внесено предложение о русско-японском соглашении, ответ Исии был крайне пренебрежительным и высокомерным. Такой ответ мог быть воспринят русскими, как ставящий, фактически, под сомнение существование у японского правительства желания укреплять дружественные двусторонние отношения. Когда я услышал об этом, моему изумлению не было предела»²³. Ответ Исии российскому представителю не только отличался по своему содержанию от того, что говорил Ямагата министру 18 января в своей резиденции, но и расходилось с положениями проекта резолюции, предложенной самим министром. По словам Ямагата, метаморфоза в позиции Исии была «почти невообразимой». По мнению князя, поведение Исии бесспорно отвергало все предложения Сазонова и наносило ущерб авторитету России как великой державы²⁴.

«Неприступная поза», которую занял министр иностранных дел Исии, ставила под угрозу осуществление замысла, вынашиваемого князем Ямагата. За время пребывания в Японии высокого русского гостя вопрос о военных поставках не сдвинулся с мертвой точки, поэтому генерал-фельдмаршал справедливо опасался, что это произведет негативное впечатление на российскую сторону. И здесь Ямагата вынужден был перейти к более решительным мерам. 22 января лидер «военной партии», считавший, что для будущего русско-японских отношений необходимо как-то смягчить негативное впечатление, которое произвел на российскую сторону «бесцеремонный» ответ Исии, встретился с корейским генерал-губернатором Тэраути и попросил последнего передать русскому представителю, что «истинное отношение Японии не является таким холодным и безразличным»²⁵.

²² Дайёнкай нитиро кёяку тэйкэцу иккэн (О заключении Четвертой русско-японской конвенции) — Нихон гайко бунсё: Тайсё гонэн дайиссацу (Японские дипломатические документы. 1916 г., т. 1), с. 113–115, № 41. Советник IV политического отдела министру иностранных дел, Токио, 21 / 8 января 1916 г.; № 245. Записка советника IV политического отдела Козакова, 23 / 10 февраля 1916 г. — МОЭИ, серия III, 1938, т. 10, 14 января 1916 г. — 13 апреля 1916 г., с. 41–42, 261.

²³ Такахаси Ёсиро. Санко ирёцу, с. 118.

²⁴ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 91.

²⁵ Такахаси Ёсиро. Санко ирёцу, с. 118; Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 91.

30 января в Сеуле граф Тэраути несколько раз беседовал с начальником Дальневосточного отдела Козаковым, подчеркивая тот факт, что все члены Совета старейшин приветствуют предложенный Россией проект русско-японского сближения и желают претворить в жизнь этот план. Кроме того, 24 января приближенный князя Ямагата заместитель начальника японского Генерального штаба Танака²⁶ посетил посла Малевского-Малевица, объяснив сложности вопроса военных поставок и попутно заверив русского дипломата в том, что все члены гэнро – Ямагата, Ояма и Мацуката – готовы приложить все силы для того, чтобы разрешить этот вопрос²⁷.

В то же время для реализации проекта русско-японского союза, вынашиваемого генерал-фельдмаршалом Ямагата с начала 1915 г., было необходимо поставить на место «зарвавшегося» дипломата Исии. Используя различные рычаги своего влияния, Ямагата тут же оказал соответствующее давление на премьер-министра Окума и подчиняющегося ему по субординации министра иностранных дел. Усилия князя увенчались успехом: 25 января Исии составил новый проект по вопросу о русско-японских отношениях, который в основных чертах совпадал с планом русско-японского союза, продвигаемым князем, и посетил «старейшину» в его резиденции. Князь Ямагата поддержал новый проект, вновь подчеркнув необходимость принятия курса на укрепление русско-японских отношений. Как уже говорилось, Исии некоторое время пытался тихо сопротивляться линии Ямагата, но последний, считая, что «сейчас не время нападать друг на друга», предложил министру иностранных дел поскорее приступить к началу дипломатических переговоров²⁸.

²⁶ Танака Гиити (1864–1929). Родом из пров. Тёсю, сын главы клана Хаги. В рассматриваемый период уже зарекомендовал себя в качестве одного из крупнейших специалистов по России. Окончил Кадетский корпус и Военную академию. За заслуги, проявленные в японо-китайской войне 1894 г., получил Орден Золотого Коршуна 5-й степени. В 1898–1903 гг. находился со специальным заданием в России. Во время русско-японской войны служил в штабе Маньчжурской армии. За проявленные заслуги был представлен к Ордену Золотого коршуна 3-й степени и к Ордену Восходящего Солнца 3-й степени. Сделал блестящую военную карьеру, пользуясь покровительством князя Ямагата и графа Тэраути. В 1911 г. стал главой Военного бюро (Гуммукеку), в 1915 г. – заместителем Генштаба, а в 1918 г. – министром иностранных дел в правительстве Хара. С 1921 г. – генерал армии. После смерти Ямагата стал фактическим главой военной группировки Тёсю-бацу. В 1927 г., заняв должности премьер-министра и министра иностранных дел, он начал активно проводить в жизнь идею активной агрессивной политики в Китае. Ему приписывается создание так называемого «меморандума Танака», в котором наиболее рельефно проявились агрессивные планы и амбиции японской военщины в отношении Китая и советского Дальнего Востока.

²⁷ № 69. Посол в Токио министру иностранных дел, 24/11 января 1916 г.; № 245. Записка советника IV политического отдела Козакова, 23/10 февраля 1916 г. – МОИ. Серия III, 1938, т. 10, 14 января 1916 г. – 13 апреля 1916 г., с. 72–73, 261.

²⁸ Такахаси Ёсиро. Санко ирэцу, с. 118; Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записки бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 91, 93; Нитиро домэй симпо: Сюсё гайсё сан-

В результате усилий князя Ямагата 14 февраля 1916 г. в японском парламенте была одобрена министерская резолюция о политике по отношению к России следующего содержания:

1. Укрепление дружественных отношений между Японией и Россией и ускорение процесса двустороннего сближения являются гарантией сохранения мира на Востоке.

2. То, что после подписания русско-японского мирного договора было заключено три соглашения, тоже есть следствие данного курса. Крупные поставки боеприпасов, которые осуществило императорское правительство по отношению к России с начала Европейской войны, также соответствуют смыслу первого пункта. Необходимо и впредь поддерживать данный курс в пределах, дозволяемых обстоятельствами.

3. В условиях, когда российское правительство, оценивая добрую волю, которую с начала войны проявила к ней Япония, решило в виде материальной благодарности уступить Японии часть КВЖД, императорское правительство, принимая во внимание международную ситуацию, должно удовлетворить пожелания российского правительства в пределах, не наносящих ущерб национальной безопасности.

4. В отношении пункта № 3: Точно так же, как железная дорога Чаньчунь-Харбин уступает за определенную сумму, оружие передается за определенную установленную сумму.

5. Раз уж дружественные отношения между Японией и Россией достигли такого уровня, нужно сделать еще один шаг и установить между странами союзнические отношения. Предотвратить послевоенное сближение России с Германией и другими странами, проводящими агрессивную политику, является насущной задачей Японии.

6. Союзные отношения, о которых говорится в пункте № 5, должны быть установлены на следующих основаниях:

а) Япония и Россия для защиты своих территориальных прав и особых интересов будут оказывать друг другу дружественную поддержку мирными средствами в соответствии с необходимостью;

б) обе стороны обещают друг другу, что не присоединятся к договору или соглашению и не заключат такового, если оно имеет целью противодействие одной из договаривающихся держав;

в) Япония и Россия пришли к согласию относительно того, что политическое подчинение Китая одной из третьих держав является угрозой их важнейшим интересам, и договорились проводить периодические совещания относительно способов предотвращения такой ситуации. Договаривающиеся стороны обещают, что если в результате мер, предпринятых одной из сторон на основании такого совещания, неиз-

сэй ни катамуку (Прогресс в отношении русско-японского союза: премьер и министр иностранных дел склоняются к согласию). – Июиури симбун. 26.01.1916, № 13926.

бежна война с третьей державой, другая сторона предоставит помощь (включая военную) своему союзнику²⁹.

Содержание данной резолюции сильно отличалось от проекта Исии, представленного 20 января. По проекту Исии оказание военной помощи России напрямую увязывалось с размером российских уступок. В то же время в резолюции от 14 февраля поставки оружия рассматривались как одно из следствий русско-японского сотрудничества, сложившегося после Портсмутского мирного договора. По мнению Исии, трех русско-японских соглашений, четко разграничивающих сферы влияния двух стран в Маньчжурии и Монголии, было вполне достаточно, и нужды в новом соглашении не было. Однако в министерской резолюции русско-японское добрососедство определялось в качестве стратегического внешнеполитического курса Японии, призванного поддерживать мир в Восточной Азии. Министр иностранных дел не желал принимать предложенный российской стороной проект о передаче части КВЖД, пытаясь разрешить вопрос военных поставок в более выгодной для Японии форме. Ямагата же пытался использовать это предложение российской стороны для укрепления русско-японских отношений. Японские дипломаты были настроены на заключение еще одного соглашения о Китае, якобы предупреждавшего возможность русско-германского сближения, однако благодаря энергичным действиям Ямагата в резолюцию были внесены слова о «русско-японском союзе», поскольку последний призван был не допустить, чтобы Китай попал под влияние загадочной «третьей державы».

14 февраля заместитель Генерального штаба генерал-лейтенант Танака по просьбе князя Ямагата снова посетил российского посла в Токио, чтобы сообщить об одобрении министерской резолюции и о решении начать переговоры с Россией³⁰.

В исследованиях по истории русско-японских отношений и истории внешней политики Японии доминирует точка зрения, что главным «виновником» русско-японского сближения после русско-японской войны был чрезвычайный и полномочный посол в России Мотоно, однако в виду всего изложенного выше это положение выглядит недостаточно убедительным. Как показывают документы, японский визит великого князя Георгия Михайловича и принятие резолюции от 14 февраля 1916 г., открывших путь к началу русско-японских дипломатических переговоров, подготовил не Мотоно и даже не японское дипломатическое ведомство, а военные круги во главе с генерал-фельдмаршалом Ямагата,

проявившего при этом неординарные дипломатические способности и политическую проницательность.

Одним из важных элементов стратегии князя Ямагата было использование механизма «императорской дипломатии» (*косицу гайко*), что исходило из понимания определенного сходства японской и российской общественно-политических моделей, основывающихся на институте монархии. Ямагата сначала добился того, чтобы визит великого князя Георгия Михайловича был организован как бы «по высочайшей воле» русского императора, а затем, используя в полной мере авторитет «живого бога» («арагами» – так называли в Японии в предвоенную эпоху японских императоров), потребовал соответствующего отношения к миссии великого князя со стороны японского политического мира. В условиях, когда сам «потомок богини Аматаэрасу» поспешил поприветствовать прибывшего в Токио российского великого князя, премьер-министр Окума и министр иностранных дел Исии не имели оснований открыто противиться курсу, направленному на укрепление русско-японских отношений.

Князь Ямагата сделал все для того, чтобы сломить сопротивление как части русофобски настроенных военных, так и не желавших заключения русско-японского союза дипломатов. И те, и другие преследовали в своей деятельности узкоэгоистические интересы, направленные на приобретение новых уступок со стороны России. Ямагата же считал, что необходимо, во что бы то ни стало, укрепить русско-японские отношения, пойдя, если нужно, на небольшие уступки России в вопросе военных поставок. Он опасался, что в результате неумелой, несбалансированной политики, которую проводил Като, Япония окажется в будущем наедине с Западом, не имея ни одного союзника. Поставленная в тяжелые международные условия Россия официально предлагала Японии мир и дружбу в обмен на ограниченные поставки вооружения, и Ямагата полагал, что ни в коем случае нельзя отвергать это предложение. Во время предварительных переговоров между Исии и Козаковым Ямагата сумел заставить министра иностранных дел изменить свою позицию по отношению к проблеме русско-японского союза. Следствием этих серьезных усилий со стороны князя Ямагата и стал с точки зрения политической механики секретный русско-японский союз 1916 г.

²⁹ Дайёнкай нитиро кёяку тэйкэцу иккэн (О заключении Четвертой русско-японской конвенции). – Нихон гайко бунсё: Тайсё 5 нэн дай 1 сацу (Японские дипломатические документы: 1916 г., т.1), с. 118–119.

³⁰ № 202. Посол в Токио министру иностранных дел, 14/1 февраля 1916 г. – МОЭИ. Серия III, 1938, т. 10, 14 января 1916 г. – 13 апреля 1916 г., с. 205.